

УДК 342

DOI: 10.34670/AR.2021.41.39.042

**Католическая церковь и европейская государственность:
исторический аспект и современная интерпретация
дуалистических отношений (на примере взглядов Й. Ратцингера)**

Костенникова Екатерина Андреевна

Соискатель,
кафедра теории и истории государства и права,
Юго-Западный государственный университет,
305040, Российская Федерация, Курск, ул. 50 лет Октября, 94;
e-mail: e.kostennikova@gmail.com

Аннотация

Предметом исследования настоящей работы является проблема дуализма церкви и государства, рассмотренная в историческом аспекте и современной интерпретации. Особое внимание уделяется концепции выдающегося теолога современности Й. Ратцингера (Папы Бенедикта XVI). С первых веков существования церкви христианские мыслители утверждали, что церковь и государство являются равноценными и независимыми институтами, каждый из которых имеет определенное предназначение, собственные задачи и цели. В то же время они призваны к взаимодействию. Согласно концепции Й. Ратцингера, отделение церкви от государства и сохранение христианской доктрины от какого-либо политического влияния заложены в самой природе церкви. Ученый считает, что дуализм духовной и политической власти является источником и основой идеи свободы. В процессе выполнения исследования были использованы конкретно-исторический, сравнительно-правовой методы, метод правовой герменевтики, логические приемы. Это позволило автору прийти к выводу о том, что в основе дуализма церкви и государства присутствуют два аспекта: субъективный и объективный. Суть первого заключается в том, что всякий человек живет в многообразии социальных групп и сообществ и конкурирующее переплетение социальных ролей само по себе выступает в качестве сущностного порядка свободы. Объективный аспект состоит во взаимообусловленных ограничениях средств и методов, которые используются каждым субъектом для реализации своих функций.

Для цитирования в научных исследованиях

Костенникова Е.А. Католическая церковь и европейская государственность: исторический аспект и современная интерпретация дуалистических отношений (на примере взглядов Й. Ратцингера) // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 7А. С. 323-335. DOI: 10.34670/AR.2021.41.39.042

Ключевые слова

Церковь, государство, христианская доктрина, власть, свобода, социальный институт, политический институт, социальные роли, Бенедикт XVI, папа римский.

Введение

Будучи важнейшим социальным институтом Европы, Католическая церковь в течение многих веков оказывала значительное влияние на ход цивилизационного развития европейской государственности. В 380 г. в результате издания императором Феодосием I (347-395 гг.) Фессалоникийского эдикта христианство было провозглашено государственной религией Римской империи. Для церкви, которая после многих лет гонений наконец обрела официальный статус, данный манифест положил начало новой эпохи институционального становления и развития. Церковь выходит из тени, становится полноценным и общепризнанным участником общественно-политической жизни. С этого времени начинается длинная противоречивая история ее взаимоотношений с различными политическими общностями.

Уже с ранних этапов своего функционирования, следуя завету Христа проповедовать Евангелие всем народам, церковь не связывала себя национальной или территориальной принадлежностью, как не связывала себя и границами какого-либо одного государства, пусть даже самого мощного и крупного, каковым на тот момент считался Рим. Церковь позиционировала себя как особое независимое сообщество, задачи которого – провозглашение Евангелия и забота о спасении человеческих душ. Однако у Римского государства были иные задачи. Как утверждает немецкий историк Г. Роммен, император Константин Великий (272-337 гг.) активно способствовал распространению христианства именно потому, что видел в этой религии источник новой силы, способной «создать подпорки разваливающейся конструкции дряхлеющей империи, которую языческий скептицизм и безнадежная меланхолия лишили всех жизненных сил» [Роммен, 1993, 245]. И уже тогда над церковью нависла угроза стать политическим инструментом – орудием в руках императоров и средством реализации их амбиций. Немецкий историк Й. Лортц указывает, что Константин, руководствуясь сложившимися традициями, стремился «приспособить» церковь к государству. Поскольку тесная взаимосвязь данных структур в полной мере соответствовала духу времени, необходим был очень долгий процесс развития для осознания и принятия идеи независимости церкви от всемогущей императорской власти [Лортц, 1999, т. 1, 57]. Новое положение церкви требовало глубокого теоретического осмысления: необходимо было дать оценку различным политико-социальным явлениям, общественным институтам и выработать единую позицию по поводу отношений с политическими властями. Ситуация осложнялась тем, что высказывания Отцов Церкви в эту эпоху носили спонтанный и, как правило, бессистемный характер. Обычно это были проповеди, каждая из которых формировалась как актуальная реакция на конкретную проблемную ситуацию. Этим объясняется резкость, а порой и радикальность их настроений.

Церковно-государственный дуализм в учении Августина Блаженного

Отстраниться от конкретных событий и посмотреть на вещи шире впервые смог Августин Аврелий. Разработав теоретические основы, он придал идейное направление концепции церковно-государственных отношений.

С точки зрения Августина, церковь и государство являются равноценными и независимыми институтами, каждый из которых имеет определенное предназначение, собственные задачи и цели. Несмотря на независимость, церковь и государство призваны к взаимодействию. Это обуславливается не их сущностью, а, скорее, сложившимися внешними обстоятельствами, вследствие которых эти институты могут быть нужны и полезны друг другу. Так, церковь нуждается в государстве, поскольку именно оно способно обеспечить мир и безопасность,

необходимые для ее идиллического существования и функционирования. Само государство также нуждается в церкви, которая, выступая носителем морали и распространителем духовных ценностей, указывает государству путь истинной справедливости, позволяющей ему сохранить свой нравственный облик. Согласно Августину, справедливый закон – это необходимая составляющая государства. При его отсутствии государство будет руководствоваться лишь тщеславием и корыстью и превратится, по знаменитому выражению Августина, в «*unum magnum latrocinium*» (лат. – «большую разбойничью шайку») [Августин Блаженный, 1998, т. 3, 151].

Церковь не только признает особые задачи и цели государства, но также способствует их разрешению и достижению. Так, она призвана содействовать поддержанию и сохранению общественного спокойствия и порядка, поскольку мир для государства означает и мир для церкви: «...Земной град... стремится к земному миру и к нему направляет согласие в управлении и повиновении граждан... Град же небесный, или, вернее, та его часть, которая странствует в этой смертности... поставлен в необходимость довольствоваться таким миром, пока минует сама смертность, для которой он нужен» [Там же, 350]. Кроме того, церковь должна содействовать укреплению правового порядка, призывая верующих к соблюдению государственных законов в том случае, если они соответствуют естественному и справедливому Богооткровенному закону.

Государство, согласно Августину, призвано заботиться о материальном благоустройстве граждан, обеспечивать их внутреннюю и внешнюю безопасность, порядок и мир. Религиозная жизнь – неотъемлемая часть внутреннего порядка, а следовательно, государство здесь также обязано проявлять заботу о гражданах и благоприятствовать их стремлениям к высшим целям. Августин выступает против абсолютизации и сакрализации государства, порицает подобные устремления правителей. Философ подчеркивает покровительствующий характер политической власти, полагая, что только забота об общем благе и необходимость поддержания социального порядка оправдывает требования повиновения и возможность применения принудительной силы.

Иногда в своем труде «*De civitate Dei*» Августин упоминает о вторичной роли государства по отношению к церкви, в связи с чем и отечественные, и западные ученые приписывают ему теократические устремления¹. Однако, на наш взгляд, эти суждения не совсем верны. Второстепенность государства как социального института обусловлена не его сущностью; она обусловлена тем, что государство признает существование высших, духовных целей, а также признает их безусловный приоритет перед собственными, «земными» целями. Государство должно чтить авторитет церкви как носителя морально-религиозного авторитета и как выразителя справедливости. Это ни в коей мере не лишает его независимости в реализации собственных функций и задач. Наличие же общей цели – стремление к спасению и вечной жизни объединяет эти два института, способствует их сотрудничеству, не лишая при этом самостоятельности.

Учение Геласия I о «двух властях»

Вслед за Августином идею необходимости разделения церкви и государства активно развивал римский папа Геласий I (период папства – 492-496 гг.). Он автор множества

¹ О.Э. Лейст, Г. Роммен и др.

богословских работ, среди которых наиболее известен трактат «*Tomus de anathematis vinculo*» («Об узах отлучения»). Именно здесь папа сформулировал знаменитое учение о «двух властях», регламентирующее соотношение священной власти епископов и мирской власти государей. Согласно этому учению, до пришествия Христа еще существовала возможность объединения властей в одних руках. Таковым, к примеру, был общественно-государственный строй древних иудеев. Однако эти времена миновали, и после пришествия Христа соединение этих властей перестало быть легитимным, так как Христос своим учением разделил их навсегда: «...После рождения истинного Царя... ни один император не присваивал себе имени священника, ни священники не притязали на царский сан. Христос, помня о человеческой слабости, так разделил обязанности каждой из этих великих властей между различными действиями и даровал им различное достоинство, чтобы это благоприятствовало их спасению» [Цит. по: Задворный, 1997, т. 2, 53]. Папа настаивает на необходимости разграничения полномочий и сфер деятельности светской и духовной власти. И речь в данном случае идет именно о паритете: государь подчиняется священникам в делах духовного порядка, а священники государю – в делах мирских. Папа настаивает на невмешательстве в дела друг друга, тем самым провозглашая автономию обеих властей. Твердо отстаивая свободу церкви, папа Геласий пишет послание византийскому императору Анастасию, в котором призывает самого императора в вопросах совершения святых таинств «подчиняться духовенству, а не повелевать» [Цит. по: Там же, 26]. В этом контексте он упоминает о главенствующем положении церкви по отношению к мирской власти. Данным призывом папа не преследует цели унижить императора; Геласий лишь стремится в определенной степени умерить его властные полномочия и расширить свободу церкви.

Развитие отношений государства и церкви в Средние века

Взгляды Августина Аврелия и папы Геласия I являлись преобладающими и в доктринальной форме проповедовались в церкви в течение нескольких последующих веков. Однако на практике церковно-государственные отношения развивались совсем по-другому. Автономность и независимость духовной власти были весьма условными: будучи включенным в систему феодальной иерархии, духовенство в большей степени подчинялось светской власти помещиков – собственников земельных наделов. Они не только контролировали доходы от использования земель, но также назначали на должности священнослужителей различных степеней церковной иерархии, включая высшую архиерейскую степень. Подобное переплетение политической и религиозной сфер создало систему, аналогичную той, что преобладала в Восточной Римской империи. Но если на Востоке эти отношения завершились установлением мирно-гармоничного порядка – так называемой «симфонии» властей, то на Западе они переросли в борьбу против феодального местно-политического влияния и неотъемлемо сопровождающей его коррупции. Эта борьба – борьба за «очищение» и независимость духовной власти – началась с низов – с реформаторской инициативы небольшого монастыря Ключни в Верхней Бургундии. Уже к концу X в. она приобрела характер массового движения, а затем и вовсе вылилась в широкомасштабный политический конфликт и открытое противостояние римского папы Григория VII и императора Генриха IV. Этот период впоследствии получил название «папская революция» и «борьба за инвеституру», а, по сути, представлял собой борьбу за независимость папской власти, независимость духовенства и свободу церкви в целом. По итогам более чем сорока лет борений стороны отказались от своих наиболее радикальных требований и притязаний, заключив мирные соглашения. Папы отстаивали

право инвеституры, т. е. право назначения лиц на церковные должности, а также иные полномочия в отношении духовенства, например создание и упразднение епархий, перевод и низложение епископов. За феодалами, светскими собственниками земель, остались тем не менее возможность присвоения светских регалий, право требования вассальных повинностей и присяги на верность.

В доктринальной сфере результатом описанного противостояния стала широко известная теория «двух мечей», развиваемая средневековыми канонистами в течение нескольких последующих веков. Основанием теории является символическое толкование евангельского фрагмента, описывающего взятие Христа под стражу в Гефсиманском саду. Согласно тексту, в момент прибытия стражников Петр вынул меч для защиты. Христос же приказал ему: «Вложи меч свой в ножны» (Мф. 26:52). Так, именно мечи стали рассматриваться в качестве аллегорических символов двух властей – светской и духовной. Оба меча находятся у святого Петра, но один из них – светский – Христос призывает вложить в ножны, поскольку духовному лицу не следует использовать этот меч самостоятельно, нужно передать его светскому правителю. Помазание на царство, таким образом, символизирует передачу меча папой императору, подчеркивая тем самым первичность и превосходство власти духовной.

Таким образом, в результате многолетней борьбы завершился важнейший этап церковной институционализации: светские правители отказались от претензий на верховную власть над духовенством, а церковь объявила себя суверенной публичной властью, которая, помимо учреждения собственной независимой административной структуры, закрепила за собой ряд законотворческих и судебных полномочий. Вместе с тем далеко не все претензии церкви были удовлетворены, далеко не все ожидания оправдались. Поэтому завершение борьбы следует характеризовать не как победу, но лишь как компромисс. Хотя идеи, воплощенные в ходе борьбы, закрепились на несколько последующих веков, они так и не достигли абсолютной прочности: споры о границах церковной и светской власти не прекращались на протяжении всей дальнейшей истории их сосуществования.

Особенности сосуществования церкви и государства в демократических обществах

Современные разногласия и споры церкви и государства в значительной степени отличаются от средневековых. Открытое противостояние и вооруженная борьба остались далеко в прошлом. Парадигма, которую создала современная светско-материалистичная цивилизация, концентрируется на политико-экономических интересах индивида и в целом имеет явную тенденцию к смещению религии в сферу частных интересов. Поэтому теперь главный принцип взаимоотношений – мирное независимое сосуществование и компромиссное разграничения сфер деятельности. Однако следует ли в связи с этим считать конфликт исчерпанным? Полагаем, что ответ, скорее, отрицательный. Взаимная сдержанность и попытки сглаживания наиболее острых углов – лишь следствие общемировой тенденции к толерантности, которая отнюдь не означает преодоления разногласий. В качестве новой тактики государством была избрана система отношений снисходительно-нейтрального характера, в которой церкви отведена незначительная роль одного из многих общественных объединений; ее правовой статус ничем не отличается от статуса любой другой публичной ассоциации. Подобная форма взаимоотношений не имеет ничего общего с идеалами, провозглашенными Августином Аврелием и его последователями, поскольку классическая модель разделения церкви и государства предполагает их равноценность и равноправие, взаимообусловленность и

взаимовлияние. В основе же новой модели лежат две доктрины, препятствующие реализации дуалистической системы церкви и государства. Во-первых, это позитивистская доктрина, провозглашающая суверенную волю государства единственным источником права и, соответственно, отрицающая значение естественного и божественного закона, защищаемого церковью. Во-вторых, это доктрина этического релятивизма, отвергающая саму возможность установления объективных критериев нравственности и провозглашающая индифферентность и нейтралитет в качестве единственной приемлемой основы современного демократического общества.

В этих условиях церковь начала новый этап борьбы – борьбы против индифферентности государства, против отрицания роли и значения церкви как субъекта социально-политических отношений и, наконец, против непринятия принципа разделения церкви и государства в качестве приемлемой модели политического развития. Начало борьбе положил римский папа Лев XIII. В рамках политики обновления христианства и его адаптации к реалиям современного общества он излагает общеизвестные традиционные принципы понятным и актуальным языком. Как верно замечает Г. Роммен, эти принципы не были абстрактными; они указывали путь к решению социальных и философских проблем, порожденных общественным строем и развитием естественных и общественных наук [Роммен, 1993, 253]. Так возникла новая форма доктрины отношений между церковью и государством. Наиболее подробно она была изложена папой в энцикликах «*Diuturnum illud*» и «*Immortale Dei*». И в настоящее время взгляды Льва XIII на церковно-государственные отношения составляют теоретическую базу современного политико-социального учения Католической церкви, выражают ее актуальную позицию.

Согласно этому учению, «...Бог поручил заботу о роде человеческом двум властям: церковной и светской. Одну он поставил над божественными вещами, другую – над земными. Каждая – высшая в своем роде; у каждой определенные границы, которые установлены ее природой и ее самым близким и непосредственным предметом» [Leo XIII, *Immortale Dei*, www].

Связь между церковью и государством, на первый взгляд, кажется неочевидной: два крупнейших социальных института в значительной степени различаются по ряду параметров, в том числе по происхождению, по целям, по структуре. Так, происхождение государства обусловлено естественно-правовым строем, в то время как происхождение церкви – сверхъестественным. Цели государства связаны с земными благами – прежде всего с гармоничным общественным устройством, стремлением к достижению общего блага, созданием условий для всестороннего развития человека. Цели церкви также обращены к сверхъестественному порядку – руководству верующими и спасению людей через распространение Евангелия. В отличие от церкви, форма государства может изменяться под влиянием различных факторов. При этом идеального устройства не существует. Иерархическая структура церкви функционирует на основе божественных установлений и потому неизменна.

В то же время, несмотря на самобытность целей и специфику сфер деятельности, церковь и государство совпадают в объекте регулирования, поскольку оба занимаются «тем же человеком», «его личным, естественным достоинством» [Хеффнер, 2001, 256]. Даже сегодня существуют такие сферы общественной жизни, на регулирование которых претендуют и государство, и церковь. К таковым можно отнести институт семьи и брака, сферу образования и культуры. Кроме того, церковь никогда не остается безучастной к различным политическим конфликтам, особенно к тем, в которых явно присутствуют несправедливость и жестокость по отношению к мирным невинным людям. По этим и другим вопросам церковь занимает активную позицию. Публичные выступления, письменные обращения, дипломатические

визиты – основные инструменты, используемые церковью для отстаивания своей позиции. Подобные действия зачастую расцениваются как попытки расширения власти и усиления политического влияния и потому вызывают негативную реакцию со стороны противников церкви.

На самом же деле церковь – самодостаточное цельное сообщество. В отличие от иных религиозных групп и организаций, она обладает общепризнанным статусом и авторитетом. Выступая против государства, церковь отнюдь не стремится присвоить себе его властные полномочия. Ее цели – провозглашение и защита высших человеческих ценностей; и в той мере, в которой государство будет посягать на эти ценности, требуя при этом повиновения и лояльности, церковь будет выступать открытым антагонистом государства и активно ему противодействовать. В энциклике «*Sapientiae christianae*» (1890 г.) папа Лев XIII указал, что «...неисполнение светских законов, противоречащих божественным установлениям, а также причиняющих вред церкви, следует расценивать как положительную обязанность христианина, а исполнение – как преступление. Причем преступление как против Бога, так и против самого государства» [Leo XIII, *Sapientiae christianae*, www]. Таким образом, уже в силу своего предназначения церковь не может оставаться безразличной к политической сфере.

Концепция дуалистических отношений церкви и государства Й. Ратцингера

В духе католической доктрины идею необходимости разделения церкви и государства отстаивает и Й. Ратцингер. Он считает, что отделение от государства и сохранение основ вероучения от какого-либо политического влияния заложены в самой природе церкви. Согласно его мысли, церковь – это сообщество *свободных* людей, добровольно избравших путь веры и действующих на основании лишь собственных убеждений. Церковь поощряет такой выбор, но при этом не нарушает границ свободы: конечное решение всегда остается за каждым конкретным человеком. Сообразно этому концепту свободы обязана действовать и церковь: она не должна быть «государством или частью государства, но сообществом убежденных... Она должна использовать свою свободу для того, чтобы обращаться к свободе других...» [Ратцингер, *Ценности...*, 2007, 51]. Иными словами, только будучи свободной и независимой, церковь может защищать личные и общественные свободы, провозглашать их в качестве высших нравственных ценностей.

Развивая и углубляя данную идею, Й. Ратцингер формулирует особую концепцию, согласно которой дуализм духовной и политической власти является источником и неизменной основой западной идеи свободы. Рассмотрим эту концепцию подробнее. Согласно мысли Ратцингера, в дохристианский период широкое распространение имела традиция наделяния государственной власти характером сакральности. Эта традиция не только защищала государственную власть, но также наделяла свойством священности и сакральности государственную волю – различные решения и акты. Поэтому слова Иисуса Христа о необходимости отдать «кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21) прозвучали как вызов: они поставили под сомнение столь привычную для древнего мира идею божественного происхождения и священного смысла государства. Своим лаконичным призывом Христос, как выразился Ратцингер, «преододел» эту традицию и открыл новую страницу взаимоотношений политики и религии [Ratzinger, 2008, 156]. Вместо одного социального института – государства – теперь возникают два – схожих по ряду оснований, но не идентичных. Каждый из них обладает определенной силой и могуществом, но при этом власть каждого из них ограничена, не имеет абсолютного характера. Данная двухполюсная система впоследствии стала источником и основанием гражданского общества.

На основании работ Ратцингера мы можем выделить два сущностных аспекта дуалистического сосуществования церкви и государства – субъективный и объективный. Субъективный аспект формулируется Й. Ратцингером на базе плюралистической теории Гарольда Ласки [Цит. по: Ратцингер, Сущность..., 2007, 83]. Его суть заключается в том, что всякий человек живет в многообразии социальных групп и сообществ, которые обуславливают многообразие его социальных ролей. Политико-правовой статус человека, определяющий его связь с государством, – также его социальная роль. Соответственно, и государство, вопреки его притязаниям, – это лишь одна группа среди множества других. Государство не может и не должно претендовать ни на абсолют, ни даже на относительное верховенство, поскольку «человек всегда больше, чем любая роль; его никогда нельзя подчинить полностью» [Там же]. Равноправное и независимое сосуществование социальных групп становятся своего рода гарантией против повышенной концентрации власти в одних руках, у одного субъекта. Таким образом, конкурирующее переплетение социальных ролей само по себе выступает в качестве сущностного порядка свободы.

Второй аспект дуализма – объективный – касается взаимообусловленных ограничений средств и методов, которые используются каждым субъектом для реализации своих функций. Так, государство призвано обустроить совместную жизнь людей, обеспечить их материальное и духовное благосостояние с помощью мощного аппарата управления и принуждения. Но при этом государство не может выступать в качестве религиозного авторитета и апеллировать к божественной воле как к основанию безусловной моральности своих действий. За этической оценкой своих актов и утверждением их нравственности государство вынуждено обращаться к другому социальному институту – церкви. Церковь, в свою очередь, ставит своей целью постулирование незыблемых ценностей и моральных принципов. Через распространение библейского учения она стремится к духовному совершенствованию каждого человека в отдельности и человечества в целом. Но при этом, позиционируя себя как носителя высшего и окончательного нравственного авторитета, церковь в полной мере осознает, что ее методы социального воздействия носят исключительно духовный характер и основаны на добровольной приверженности: в отличие от государства, она не обладает принудительно-силовым аппаратом, а также не использует механизмы правового регулирования.

Таким образом, дуализм церкви и государства, с точки зрения Ратцингера, заключается в автономно-паритетном функционировании двух указанных крупнейших социальных институтов, каждый из которых лишен полновластия в силу существования другого. Как указывает ученый, «от равновесия их взаимоотношений зависит свобода» [Ratzinger, 2008, 157]. В определенных случаях это равновесие нарушается: к примеру, церковь, стремясь укрепить свое положение, использует государственно-властные ресурсы и в итоге сама становится частью государственного аппарата; или, наоборот, государство подавляет церковь настолько, что она утрачивает общественный авторитет и больше не рассматривается в качестве носителя духовно-нравственных ценностей. Каковы же последствия такого слияния? В обоих случаях государство присваивает себе функции церкви, а значит, претендует на единоличное суждение в вопросах морали. Объединяя политический и этический компоненты, государство приобретает всю полноту власти, становится авторитетом, которому нет равных и которому, следовательно, никто не может противостоять. В древнем мире это означало бы становление процесса сакрализации власти, но в современном мире это происходит в иной форме – в форме политической идеологизации, когда общественное сознание различными, в том числе и насильственными, методами, подчиняется официальным идеологическим установкам.

Ратцингер пишет: «Идеологическое государство – это государство тоталитарное; оно неизбежно становится идеологизированным, если не уравнивается свободным и общественно признанным авторитетом совести. Когда не существует дуализма, возникновение тоталитарной системы неизбежно» [Ibidem, 159]. Поэтому фундаментальная задача церкви – поддержание равновесной дуалистической системы как подлинного залога общественной свободы. Для решения этой задачи церковь не должна ограничиваться приватной сферой жизни индивида, позиционируя себя как некую второстепенную организацию. Церковь обязана озвучивать свою позицию и высказывать суждения по различным социально-политическим вопросам – так она становится рупором общественности и сама обретает поддержку в лице множества сторонников.

Концепция Й. Ратцингера в определенной степени идеалистична: на протяжении истории равновесие дуалистической системы множество раз нарушалось, о чем упоминает и сам ученый, причем злоупотребления имели место как с одной, так и с другой стороны. Так, государство часто стремилось нивелировать власть «неудобного» оппонента, а иногда и вовсе свергнуть ее, как это сделал, например, английский король Генрих VIII в XVI в. Со стороны Католической церкви также нередко предпринимались действия, направленные на укрепление власти и умножение влияния, которые шли вразрез с учением Христа, а значит, и с подлинной природой церкви. Но, как отмечает Ратцингер, даже в самые тяжелые и трагичные времена идеал свободы, закрепленный фундаментальным свидетельством веры, сам по себе оставался авторитетом, к которому можно было апеллировать. Взывая к самой совести, он противостоял смешиванию воедино политико-правового и религиозного сообщества, подавал импульсы к разделению и уравниванию власти [Ibidem, 161].

Интересный аспект концепции Й. Ратцингера заключается в том, что полноценная реализация дуалистической системы церкви и государства в целях поддержания фундаментальной идеи свободы возможна только в условиях христианской «среды»: по мнению ученого, это исключительный западный стандарт, который не может существовать в отрыве от христианских основ. Он сам является порождением христианства, требует «христианской логики» и потому недостижим в условиях иной религии. В качестве примера Ратцингер приводит ислам. По своей природе и в силу исторических предпосылок ислам имеет теократический и, как следствие, монистический характер. Его внутренняя логика не приемлет дуализма, противоречит ему. Христианская же религия, следуя завету Иисуса, отказалась от идеи политической теократии и признала светский характер государства в качестве приемлемой формы социально-политического развития. По убеждению Й. Ратцингера, именно светское государство обеспечивает необходимый баланс и гармонию между разумом и религией [Ратцингер, Ценности..., 2007, 143].

В то же время «светскость» государства отнюдь не означает политической пропаганды атеизма и антиклерикализма, которые, по сути, лишь нарушают упомянутый баланс, смещая акценты в сторону разума, и неизбежно приводят к идеологическим кризисам, снижению роли права и утрате нравственных основ и ценностей. Согласно учению Ратцингера, светское государство – это государство, в котором христиане могут свободно и мирно сосуществовать с представителями иных религий. При этом все они руководствуются «общей моральной ответственностью, которая вытекает из существа человека, из существа справедливости» [Там же, 142]. Подобным образом в полной мере реализуется принцип свободы выбора: человек действует согласно собственным убеждениям, но в рамках правовых норм.

Следует также отметить, что светский характер государства предполагает религиозную

свободу, включающую в себя возможность для религиозных групп действовать в качестве представителей гражданского общества – заявлять о своих интересах и защищать их. Католическая церковь, будучи крупнейшей религиозной организацией, также призвана к социальной активности и деятельному развитию. Римско-католическая церковь – это не замкнутая организация, поэтому устойчивое положение и стабильное функционирование – это не самоцель, но лишь опора для дальнейшей деятельности, которая включает первостепенную обязанность всех христиан – распространение веры и провозглашение христианских ценностей. Этой обязанностью в первую очередь и обуславливается активная социальная роль христианина – в равной степени и епископа, и священника, и простого прихожанина. Бенедикт XVI в апостольском обращении «*Verbum Domini*» писал: «...Церковь никоим образом не может ограничиться “поддерживающим” пастырством тех, кто уже знает Евангелие Христово. Миссионерское рвение – очевидный признак зрелости церковной общины... И ни один верующий не может считать себя чуждым этой ответственности» [Там же, 111]. Но если простой прихожанин реализует эту миссию в повседневной жизни в пределах своего круга общения, то сфера деятельности высшего духовенства, в том числе и римского папы, намного обширнее и предполагает участие в политической деятельности как на внутригосударственном, так и на международном уровне.

Исследуя вопросы практической реализации дуалистической системы, Й. Ратцингер рассматривает современные модели церковно-государственных взаимоотношений. Каждая из них формировалась под влиянием различных политико-социальных процессов с учетом исторического наследия и традиций. Приемлемость той или иной модели, а также успешность ее функционирования определяются, как правило, общественным запросом и общественной реакцией; в странах же, где гражданское общество недостаточно развито, – внутривластными решениями.

Сосредоточивая внимание на положении христианских церквей в странах Европы и Америки, ученый выделяет три основных модели отношений церкви и государства. Первая модель обозначается Ратцингером как «лаицистская». Эта модель преобладает в странах романской группы и характеризуется полным вытеснением религии в частную сферу. Любопытно, что Ратцингер не ограничивается понятием «секуляризм», но использует иной термин – «лаицизм». Хотя в общем смысле эти термины являются синонимами, понятие «лаицизм» несомненно обладает определенной спецификой, имеет более узкую сферу употребления, нежели «секуляризм». Сам термин «лаицизм» зародился во Франции и, как правило, употребляется во франкоязычных странах и франкоязычных регионах для обозначения движения за секуляризацию общественной жизни. Следовательно, используя именно термин «лаицизм», Ратцингер указывает на географическую особенность распространения модели (Франция, Бельгия, Швейцария, Канада и др.). Кроме того, в последние десятилетия лаицистское движение все чаще оценивают как крайнюю, более жесткую форму секуляризации, что, в первую очередь, обусловлено особыми требованиями сторонников движения: например, одно из требований лаицистов – запрет демонстрации религиозной символики в общественных местах, в образовательных учреждениях, включая запрет на ношение крестов, хиджаба или паранджи.

В странах, избравших эту модель, религиозный компонент постепенно исключается из всех сфер общественной жизни; единственной основой общественного устройства признается эмпирическая база человеческого разума. Данную структуру Й. Ратцингер находит крайне хрупкой и ненадежной: «Перед лицом несовершенства разума эти системы оказались

непрочными и склонными к созданию диктатур. Они сохраняются, собственно говоря, лишь потому, что элементы старого нравственного сознания продолжают существовать и без прежних основ и создают возможность фундаментального нравственного консенсуса» [Там же, 85]. Вторую модель государственно-церковных взаимоотношений Й. Ратцингер обозначает как модель либерального протестантизма. Эта модель в течение долгого времени функционировала в странах с государственной поддержкой религиозного культа – в Германии, Великобритании, Скандинавии. Ратцингер утверждает, что данная система в определенной степени способствовала укреплению религии в обществе. И речь идет не столько о государственной поддержке официальной церкви, хотя это тоже немаловажный факт, сколько о создании благоприятных условий для функционирования иных негосударственных религий и конфессий: открытость общества и нейтральность политических властей в первую очередь гарантировали стабильность и устойчивость их деятельности.

Достаточно длительное время эта модель способствовала сохранению морально-этических основ общества, «обеспечивала нравственный консенсус» [Там же]. Но сегодня данную модель сложно назвать успешной: государственные церкви пребывают в глубоком кризисе и больше не представляют никакой нравственной силы. Ратцингер именует их «государственными дериватами», т. е. производными финансовыми инструментами государства.

Наконец, третья модель – американская. В ее основе лежит деятельность множества независимых равноправных церковных сообществ. Уникальность этой системы заключается в том, что, с одной стороны, США – это строго светское государство, где запрет на установление государственной религии действует с 1791 г., а с другой – это единственная из развитых стран, где большая часть населения свободно выражает свою приверженность религии и где религия стала неотъемлемой частью общественной жизни. Столь значимую роль религиозного элемента в США Ратцингер связывает в том числе с исторической религиозно-просветительской миссией американцев-колонизаторов. По мнению ученого, сложившаяся как результат этой миссии традиция до сих пор придает духовно-религиозному компоненту значительный общественный вес [Там же, 86].

Система независимых церковных сообществ воспринимается как наиболее соответствующая демократическим ценностям и установкам, что, как известно, для американцев имеет первостепенное значение. Что же касается положения Католической церкви в США, то его нельзя назвать прочным. Хотя численно Римско-католическая церковь – самая крупная религиозная организация в стране, это преимущество имеет относительный характер и обуславливается двумя факторами. Во-первых, в США активно функционирует множество небольших протестантских конфессий и деноминаций, которое в совокупности превосходит количество католиков более чем в два раза. Во-вторых, увеличение численности католиков происходит в основном за счет испаноязычного населения и непрерывного потока мигрантов из стран Латинской Америки, что придает ей диаспоральный характер и не способствует укреплению репутации. Кроме того, как мы уже отмечали, США присуща твердая уверенность в необходимости поддержания традиции религиозного плюрализма как единственно верного пути духовного развития нации и формирования нравственного консенсуса в условиях демократического государства. В связи с этой убежденностью власти США активно препятствуют укреплению положения Католической церкви, поддерживая и благоприятствуя процессу протестантизации латиноамериканского населения [A post-election look..., www].

Среди трех рассмотренных моделей церковно-государственных отношений в качестве наиболее приемлемой Й. Ратцингер считает третью – американскую. Указанная конструкция

также не лишена недостатков и весьма далека от идеала, но именно в ней, в этой модели, заложены основы церковно-государственного дуализма. Именно она обладает необходимыми предпосылками для его дальнейшего развития и, по убеждению Ратцингера, имеет все перспективы стать современным продолжением знаменитой модели папы Геласия I.

Заключение

В современных условиях возможно построение социально-политической системы на основании церковно-государственного дуализма при условии сохранения государством статуса светского. Функционирование данной системы может оказать положительное влияние на политику и право, защиту прав и свобод человека. Результатом действия дуалистической системы взаимодействия церкви и государства является равновесная система, при которой власть одного субъекта «сдерживается» властью другого.

Библиография

1. Августин Блаженный. Творения. СПб.: Алетейя, 1998. Т. 3. 598 с.
2. Задворный В.Л. История римских пап. М., 1997. Т. 2. 193 с.
3. Лортц Й. История церкви, рассмотренная в связи с историей идей. М.: Христианская Россия, 1999. Т. 1. 512 с.
4. Ратцингер Й. Сущность и задачи богословия. Попытки определения в диспуте современности. М., 2007. 144 с.
5. Ратцингер Й. Ценности в эпоху перемен. М., 2007. 163 с.
6. Роммен Г.А. Церковь и государство // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 242-255.
7. Хеффнер Й. Христианское социальное учение. М.: Духовная библиотека, 2001. 324 с.
8. A post-election look at religious voters in the 2008 election. URL: <http://www.pewforum.org/2008/12/08/a-post-election-look-at-religious-voters-in-the-2008-election/#3>
9. Leo XIII. Immortale Dei. URL: http://w2.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_01111885_immortale-dei.html
10. Leo XIII. Sapientiae christianae. URL: http://w2.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_10011890_sapientiae-christianae.html
11. Ratzinger J. Church, ecumenism, and politics: new endeavors in ecclesiology. San Francisco: Ignatius Press, 2008. 256 p.

The Catholic Church and European statehood: the historical perspective and modern interpretation of dualistic relations (a case study of J. Ratzinger's views)

Ekaterina A. Kostennikova

Postgraduate,
Department of the theory and history of state and law,
Southwest State University,
305040, 94 50 let Oktyabrya str., Kursk, Russian Federation;
e-mail: e.kostennikova@gmail.com

Abstract

The article studies the church and state's dualistic relations. It analyzes the historical perspective of this problem and also presents its modern interpretation. Special attention is paid to the conception proposed by Joseph Ratzinger (Pope Benedict XVI). Since the first centuries Christian thinkers

argued that the church and the state were equal and independent institutions and each of them had a specific purpose, its own tasks and goals. At the same time, they are called to interact. According to J. Ratzinger's conception, the church's separation from any political influence is inherent by its very nature. He believes that the dualism of spiritual and political power is a source of and a basis for the idea of freedom. The author of the article uses historical, comparative legal methods, the method of legal hermeneutics, and logical techniques, which allows the researcher to come to the conclusion that there are two aspects at the heart of the dualism of the church and the state – subjective and objective ones. The essence of the former is that every person lives in a variety of social groups and communities, and the competing interweaving of social roles acts as an essential order of freedom. The latter consists in the mutually conditioned limitations of the means and methods that are used by subjects to implement their functions.

For citation

Kostennikova E.A. (2021) *Katolicheskaya tserkov' i evropeiskaya gosudarstvennost': istoricheskii aspekt i sovremennaya interpretatsiya dualisticheskikh otnoshenii (na primere vzglyadov I. Rattsingera)* [The Catholic Church and European statehood: the historical perspective and modern interpretation of dualistic relations (a case study of J. Ratzinger's views)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (7A), pp. 323-335. DOI: 10.34670/AR.2021.41.39.042

Keywords

Church, state, Christian doctrine, power, freedom, social institution, political institution, social roles, Benedict XVI, Pope.

References

1. *A post-election look at religious voters in the 2008 election*. Available at: <http://www.pewforum.org/2008/12/08/a-post-election-look-at-religious-voters-in-the-2008-election/#3> [Accessed 28/06/21].
2. Höffner J. (2000) *Christliche Gesellschaftslehre*. Butzon & Bercker. (Russ. ed.: Höffner J. (2001) *Khristianskoe sotsial'noe uchenie*. Moscow: Dukhovnaya biblioteka Publ.)
3. Leo XIII. *Immortale Dei*. Available at: http://w2.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_01111885_immortale-dei.html [Accessed 28/06/21].
4. Leo XIII. *Sapientiae christianae*. Available at: http://w2.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_10011890_sapientiae-christianae.html [Accessed 28/06/21].
5. Lortz J. (1965) *Geschichte der Kirche in ideengeschichtlicher Betrachtung*. Aschendorff Verlag. (Russ. ed.: Lortz J. (1999) *Istoriya tserkvi, rassmotrennaya v svyazi s istoriei idei*, Vol. 1. Moscow: Khristianskaya Rossiya Publ.)
6. Ratzinger J. (2008) *Church, ecumenism, and politics: new endeavors in ecclesiology*. San Francisco: Ignatius Press.
7. Ratzinger J. (2005) *Werte in Zeiten des Umbruchs*. Verlag Herder. (Russ. ed.: Ratzinger J. (2007) *Tsennosti v epokhu peremen*. Moscow.)
8. Ratzinger J. (1993) *Wesen und Auftrag der Theologie: Versuche zu ihrer Ortsbestimmung im Disput der Gegenwart*. Johannes Verlag. (Russ. ed.: Ratzinger J. (2007) *Sushchnost' i zadachi bogosloviya. Popytki opredeleniya v dispute sovremennosti*. Moscow.)
9. Rommen H.A. (1947) *The state in Catholic thought: a treatise in political philosophy*. St. Louis: B. Herder Book Co. (Russ. ed.: Rommen H.A. (1993) *Tserkov' i gosudarstvo. THESIS*, 2, pp. 242-255.)
10. Saint Augustine (1998) *Tvoreniya* [Works], Vol. 3. St. Petersburg: Aleteiya Publ.
11. Zadvornyi V.L. (1997) *Istoriya rimskikh pap* [A history of the Popes], Vol. 2. Moscow.